

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Чэнь Пэйцзюнь на тему: «Стиль научных трудов Н.Я. Бичурина («Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»)), представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Актуальность исследования Чэнь Пэйцзюнь обусловлена массовым интересом к Китаю и интерпретациям его развития в российской науке, к истории исследования этой страны и ее восприятия в российском сознании. Н.Я. Бичурин был одним из зачинателей серьезного отношения к языку и культуре соседней державы, он сумел расшифровать особенности образа жизни ее населения, будучи одним из первопроходцев-синологов и создателем многих русскоязычных терминов в этой области знания. Более того, благодаря его высокому уровню владения китайским и использованию новых литературных источников удалось пролить свет на некоторые аспекты всемирной истории. Помнить больше о таких людях, как Н.Я. Бичурин, необходимо не только специалистам, но и широкому читателю. Новизна диссертационного исследования заключается, на наш взгляд, в том, что впервые обращается внимание на научный стиль трудов ученого, творившего преимущественно в первой половине XIX века, с точки зрения соответствия выбранной манеры описания сразу двум языкам – русскому и китайскому. Кроме того, нельзя не упомянуть о провинциальном происхождении и воспитании Никиты Яковлевича, о его духовном сане, о высоком академическом ранге – звании академика, о международном признании его заслуг – все эти компоненты личности выдающегося ученого вызывают большое уважение и интригуют по сей день.

Изучать научную стилистику, тем более в исторической перспективе, очень сложно/потому что нужно не только представлять себе, каков был обыденный язык эпохи и чем он отличался от языка ученых трудов, но и каким было на тот момент представление о том, как и что могли сочинять специально подготовленные для такой работы люди, совпадало ли это с мировой практикой или отличалось от нее. Мы считаем оправданным предпринятый мультидисциплинарный подход, когда проблема освещается с разных сторон: с точки зрения научного стиля речи и его отличия от публицистического стиля, исторического развития русского языка, характера и типа научной среды того времени, предшествующих и современных трудам Бичурина достижений этнографии и

терминологии. Вслед за другими исследователями научного стиля прошлого, диссертантка характеризует господствующий стиль письма в ту эпоху как тяжелый и архаичный, что являлось следствием, с одной стороны, важности научных проблем, а с другой – того, что сочинителями были люди, получившие духовное образование и склонные к использованию церковнославянского языка; в то же время вслед за иными исследователями диссертантка говорит о стремлении к точности и разработанности стиля, о вкраплениях разговорности, беллетристичности (в частности, образности и метафоричности) и интимизации, что в итоге привело к созданию среднего, собственно научного стиля, допуская в то же время его индивидуализацию. Общепринятый на то время вопросно-ответный стиль научных работ восходит еще к древним авторам, излагавшим идеи в полемическом стиле и считавшим, что так понятнее читателям.

Диссертантка отмечает, что Бичурин владел, помимо китайского, манчжурским и монгольским языками и множеством диалектов каждого из них, т.е. был весьма одеранным лингвистически и понимал внутреннюю форму каждого слова под компаративным углом зрения. Это давало ему, например, возможность более широкой интерпретации источников в тех случаях, когда в них встречались элементы из этих языков или когда нужно было интерпретировать топонимику. В работе отмечается разнообразное влияние китайского языка на русский текст, что неудивительно, поскольку в те времена современные представления о переводе отсутствовали. Допускался как буквальный, так и весь далекий от оригинала перевод, причем Никита Яковлевич еще и снабжал его комментариями, а также формулировал несоответствия своего отношения к описываемому со взглядами зарубежных коллег.

Примечательно цитируемое Чэнь на с. 104 высказывание о. Иакинфа: «В предисловии к одной из своих книг Н.Я. Бичурин откровенно заявляет свой принцип перевода: “желая передать ученому свету текст подлинника в целостности, я не смел делать ни прибавлений к оному, ни даже изменения в словах” [Бичурин 1833: 3]». Разумеется, такая скрупулезность в принципе невозможна, но показательна само стремление к познанию чужого, в общем-то, восхищение перед иной культурой, а также выявляемые Чэнь способы преодоления разрыва между языками, на которые опирался синолог-этнограф (в частности, разные типы глоссирования, максимально достоверная подача информации, попытка отображения китайских слов русской графикой, буквальная передача значений, усовершенствованная по сравнению с предшественниками транскрипция и т.п.).

Диссертантка убедительно показывает, что в текстах Бичурина существует несколько систем наименования и описания, связанных с его многоязычием (владением, наряду с русским и, скорее всего, чувашским, также церковнославянским и восточными

языками, разумеется, и европейскими). Симпатично, что автор находит в подтверждение своих слов места в работах других исследователей. Чтобы получить описанные в диссертации результаты, нужно было очень внимательно и не один раз прочитать не только труды Бичурина разных лет издания, но и литературу, досконально освещающую язык эпохи, а также привлекать данные Национального корпуса русского языка. Особый интерес вызывают прослеженные Чэнь Пэйцзюнь исправления, внесенные Бичуриным в обобщающее издание своих произведений, свидетельствующие как о колебаниях в норме, так и о развитии русского письменного языка.

Диссертантка высказывает предположение: замена написания *маньчжурский* на *маньчжуский* соответствует китайскому произношению (с. 67). Этот факт интересно сопоставить с тем, что на самом деле слово *чешский* произносится с призвуком *р*. Толкование термина «гlossа» кажется нам не общепринятым, но внутри диссертации выдержано последовательно.

Приятно читать, что Чэнь Пэйцзюнь говорит об «отечественной исторической стилистике», тем самым подчеркивая, что Россия стала для нее отечеством, возможно, вторым. В то же время нельзя не подчеркнуть, что интерес китайских ученых к российским исследователям китайского прошлого, одним из которых является Бичурин, укрепляет доверительные взаимоотношения между Россией и Китаем. Представляется знаковым тот факт, что труды Никиты Яковлевича возникли в результате важности приграничной российско-китайской торговли, что и сегодня становится стимулом к появлению подобных работ в сфере сравнительной культурной и лингвистической антропологии. При этом особое внимание синолог уделял развенчанию ложных мифов об устройстве китайской жизни.

Диалогичность и, тем самым, живость научного повествования, можно сказать, к сожалению, вышла сегодня из обихода в том виде, в каком она встречается в научно-популярном труде Бичурина. Ее приметы, перечисленные в диссертации, позволяют заключить, что непосредственность участия автора в собственном труде виднее в таком старом стиле, чем в современных нейтральных по характеру изложениях трудов.

На основании представленной диссертации кажется, что Н.Я. Бичурин не только способствовал знакомству россиян с устройством Китая и развивал научный стиль, но и внес большой вклад в популяризацию этнологии, показав, где проходит граница между максимально точным изложением фактов и домыслами, обусловленными ограниченностью мировоззрения составителей книг, адресованных самым разным слоям населения. Можно представить себе, какое впечатление производила на современников детализация бюрократического подхода ко всем сторонам жизни, которые в России того времени часто

отдавались на волю случая. Неудивительно, что Никита Яковлевич сам задал тот тон, который, как сообщает диссертантка, не понравился В.Г. Белинскому: он стремился раскрыть особенности китайской системы ценностей через те понятия, которые были бы доступны восприятию среднего европейца, а при этом подчеркивал, что в Китае все то же, да не то же, так же, да не так же. Никак нельзя обвинить Бичурина в высокомерии, как это делает Белинский, сам не чуждый ложной поучительности и во всяком случае не знающий и малой толики того о Китае, что было знакомо о. Иакинфу.

Представляется логичным задать диссертантке несколько вопросов, направленных на уточнение содержания текстов даже не самой диссертации, а, собственно говоря, той книги, которая является объектом научного исследования Чэнь Пэйцзюнь.

1. Насколько приложимы к настоящему, распространенному в сегодняшнем Китае представлению о прошлом страны трактовки Н.Я. Бичуриным современных ему этнографических явлений? Соответствуют ли они идеям и методам китайской историографии?
2. Можно ли утверждать, что в основном все толкования о. Иакинфом китайских понятий правильны в том смысле, в каком они могли быть верны для того периода китаистики?
3. Есть ли такие места в его сочинениях, где он был бы нетерпим к китайским верованиям, осуждал бы их с православной точки зрения, либо же он всегда сохраняет нейтральный, объективный тон? То же касается и обычаев: сохраняет ли синолог почтительность к иным, по сравнению с принятыми в его стране, нравам?
4. Один вопрос достаточно развернутый. По тексту диссертации в разных местах неоднократно упоминается о реакции современников на труды Бичурина, как восторженной, так и осуждающей. Понятно, что столь значительный и многократно издававшийся труд имел сторонников и противников. Чэнь Пэйцзюнь перечисляет причины неоднозначности отношения: новизна предмета описания, новации в стиле, новое в манере преподнесения содержания. Однако хотелось бы узнать, было ли в российском образованном обществе какое-то устойчивое единое мнение о самой личности Бичурина и его произведениях?

В целом можно заключить, что диссертационное исследование Чэнь Пэйцзюнь является законченной, содержательной и самостоятельной работой, вносящей весомый вклад в исследование исторической синологии и стилистики русской научной речи, выполненной на обширном фактическом материале, богато аргументированной и

иллюстрированной в соответствии с принципами, союлюдаемыми в подобного рода сочинениях.

Диссертация Чэнь Пэйцзюнь на тему: «Стиль научных трудов Н.Я. Бичурина («Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Чэнь Пэйцзюнь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

доктор педагогических наук, доцент по русскому языку,

Профессор-адъюнкт Отделения языков
Хельсинкского университета, Финляндия

Протасова Екатерина Юрьевна

7 мая 2019 года